

Неизвестные письма ВЕЛИКОГО КОМПОЗИТОРА

Петр Ильич Чайковский вел обширную переписку в течение всей своей жизни. Центральное место в его эпистолярном наследии занимают письма (свыше тысячи!) к братьям-близнецам Анатолию и Модесту. Братья родились в 1850 году в Алапаевке на Урале. На четвертом году их жизни умерла мать. Петр Ильич, будучи старше своих братьев-близнецов на 10 лет, хотел быть для них тем, кем бывает для детей мать (как писал он много лет спустя). Между братьями установилась оживленная переписка, продолжавшаяся до последних дней жизни Петра Ильича. После его смерти Модест Ильич Чайковский — создатель либ-

ретто опер «Пиковая дама», «Иоланта» и других — основал в Клину, в доме, где провел последние годы жизни великий композитор, мемориальный музей, ставший основным хранилищем эпистолярного наследия Чайковского. Однако, если письма к Модесту собраны были полностью, то подавляющее большинство писем к Анатолию, относящихся к последним годам жизни Петра Ильича, в музее отсутствовало, и местопребывание их оставалось неизвестным.

Расспросы и архивные изыскания навели на след. В солидном многоэтажном ленинградском доме старой постройки на Моховой улице, в одной из коммунальных квартир, в течение многих лет проживала В. И. Серебрякова. Она служила экономкой у Прасковьи Владимировны (вдовы брата П. И. Чайковского — Анатолия Ильича) до ее отъезда за границу и, надо полагать, пользовалась особым ее доверием. Две комнаты, которые занимала Серебрякова, были тесно заставлены самой разнообразной мебелью: шкапами и шифоньерами, комодами и тумбочками, диванами и столами. Здесь же был и рояль. Хозяйка уверяла, что никаких рукописей, документов и писем членов семьи Чайковских у нее нет. Однако она разрешила познакомиться с содержимым старых шкафов, и вот на дне одного из них удалось обнаружить три папки, содержащие 140 подлинных писем П. И. Чайковского, адресованных брату Анатолию и его жене.

Найденные письма относятся к последнему периоду жизни Чайковского 1886—1893 годам. В них композитор рассказывает о таких произведениях, как симфония «Манфред», оперы «Черевички» и «Чародейка», симфонические сюиты № 2, № 3 и «Моцартиана», Пятая симфония, увертюра «Гамлет» и оркестровая баллада «Воевода», балеты «Спящая красавица» и «Щелкунчик», оперы «Пиковая дама» и «Иоланта», шестая симфония («Патетическая») и Третий фортепианный концерт.

В письмах к брату, написанных без всякой оглядки, непринужденно и непосредственно, Петр Ильич делится своими чувствами, тревогами, волнениями, душевными переживаниями, радостями и горестями. Эти страницы несут характер дневников, настолько искренним и сердечным языком они написаны, и рисуют благородный образ скромного, трудолюбивого, неумолимо требовательного к себе музыканта, всеми помыслами души, всеми устремлениями сердца преданного России, великому делу служения родному искусству.

Последние годы жизни Чайковского являют пример не только поразительной по своей необычайной продуктивности и художественной зрелости творческой деятельности, давшей миру неувядаемые шедевры музыки во всех жанрах, но вместе с тем, они говорят и об его исключительно напряженной общественно-музыкальной и дирижерско-исполнительской деятельности.

В связи с интенсивной дирижерской деятельностью ему приходилось часто предпринимать дальние поездки. Письма к брату и Прасковье Владимировне рассказывают о выступлениях в симфонических концертах и оперных спектаклях в Москве и Петербурге, Киеве и Тбилиси, Харькове и Одессе,

Найдено 140 писем

П. И. Чайковского

Варшаве и Праге, Берлине, Гамбурге, Лейпциге, Дрездене, Кельне, Женеве, Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Филадельфии и других крупнейших культурных центрах мира.

Эти концерты сопровождался триумфальным успехом, невиданными овациями, восторженными приветствиями. Примечательно, что Чайковский, рассказывая о почестях, оказываемых ему повсеместно, никогда не адресовал их лично себе. Он отнес их к матушке-России, музыкальным представителем которой он себя чувствовал.

Дирижерская деятельность Чайковского была сопряжена с большими волнениями и душевными страданиями. Кроме того, она отнимала много времени и сил от творчества, которое Чайковский считал главнейшим делом своей жизни. И, тем не менее, он не отказывался от дирижирования, так как считал своим долгом участвовать в популяризации русской музыки. И даже охотно принимал приглашения на поездки за границу, хотя всякий раз, когда он оказывался за рубежами России, он начинал беззвучно тосковать по ней.

«Меня невыразимо тянет домой, в Россию и при первой возможности я уеду...», — писал Чайковский из Парижа брату. А в другом письме из Франции читаем: «...Скажу только, что концерт был очень удачен и что несколько дней я обращал на себя внимание парижской публики. Репетиции, концерты, все это, конечно, очень волновало и утомляло меня, но... в глубине души такая тоска по родине, такое нетерпение вернуться домой, что трудно высказать» (30 марта (11 апреля), 1891 года).

Зато какое безмерное счастье испытывал всякий раз Чайковский, когда возвращался на Родину. С каким восторгом и упоением он любовался красотой русской природы. «Странное дело, — писал композитор из степной деревни Гранкино, куда он приехал прямо из-за границы, — красоты Тироля, среди которых я провел неделю... не доставили мне и половины того удовольствия, как доставил вид бесконечной степи, по которой я вчера проехал сюда от железнодорожной станции. Нет, репительность русская природа мне бесконечно более по душе, чем все хваленые красоты Европы... Удивительно отрадно мне в этой прелестной русской степной глуши».

Среди бескрайних степных просторов Чайковский довершал эскизы своей последней

симфонии — Шестой («Патетической»). «Мне невыразимо хочется поскорее быть у себя, хоть немножко пожить дома. К тому же надо поскорее приняться за инструментовку двух новых больших сочинений, то есть симфонии (которую я очень доволен) и фортепианного концерта. То и другое урывками я писал нынешней зимой и весной. В Гранкине эскизы свои я докончил...» (6 июля 1893 года).

Страстное желание творить у себя дома, в спокойной деревенской обстановке, на лоне природы преследовало Чайковского особенно сильно в последние годы жизни. В августе 1893 года он приехал, наконец, домой, в Клину, где сейчас находится мемориальный дом-музей, и сразу окунулся в напряженную работу. Здесь он закончил инструментовку Шестой симфонии и в письме к брату, адресованном из Клина 12 августа, сообщил: «Работа моя идет очень хорошо, но я уже не могу теперь писать так скоро, как прежде, но не вследствие старческого упадка сил, а вследствие того, что я стал бесконечно строже к себе и уже прежней самоуверенности нет. Симфонией я очень горжусь и думаю, что это лучшее мое сочинение».

Последнее письмо, написанное Чайковским брату Анатолию, датировано 27 сентября 1893 года. Здесь он говорит о

*Under Street Hotel
Brompton, St. James. London 17 May.*

*Тысячу раз тебе! Я устал по
выпавшим, но уж не забуду
не написать, дом и обещал
из Петербурга явиться тебе
Мне. Вспомни в ожидании
собеседия. Да, но не утом-
ло и как же мне стало
дурно на дороге, не
поддерживаю никаких то-
-ска и ночь, ты же всегда
успевает мне меня
видеть и слышать за границу.*

ПИСЬМО П. И. ЧАЙКОВСКОГО БРАТУ
А. И. ЧАЙКОВСКОМУ

17/29 мая 1893 г.
ЛОНДОН

Голубчик Толя! Я ужасно виноват, что из Петербурга не написал, хотя и обещал. В Петербурге провел несколько неприятнейших дней. Вышел в хорошем состоянии духа, но не прошло и часу, как меня начала душить та безумная, неподдающаяся никакому описанию тоска, которая всегда преследует меня теперь, когда я еду за границу.

том, что «симфония в Москве будет играть 4-го декабря. — это теперь уже решено, а в Питере 16 октября».

Действительно, Шестая симфония «Патетическая» была впервые исполнена в Петербурге под управлением автора 16 октября 1893 года (по старому стилю), а через 9 дней после этого концерта Чайковского не стало.

Найденные подлинники писем Чайковского к брату Анатолию и его супруге передаются Государственному дому-музею П. И. Чайковского в Клину, который является главным хранилищем эпистолярного наследия национального гения русской музыки. С. РУБИН.

Из писем П. И. Чайковского к брату Анатолию

В апреле 1886 г. П. И. Чайковский гостил в Тбилиси у своего младшего брата Анатолия Ильича и его супруги Прасковьи Владимировны. В конце апреля, сопровождаемый слугой А. И. Софроновым и провожаемый всей семьей брата, Чайковский направился в Батуми, где сел на пароход, курсировавший между Батуми и Марселем, а оттуда уехал в Париж.

Дневник путешествия из Батуми в Марсель в 1886 г. 1 мая 1886 г. 10 час. вечера. За Трапезундом.

Не знаю, долго ли вы могли меня видеть, после того как мы растались. Я же ваши белые платки, благодаря биноклю, видел до тех пор, пока не стало совсем темно. Очень было грустно... Спать я в тот вечер лег в 10 часов и спал великолепно. Когда проснулся, встал и оделся, мы были уже у Трапезунда. Город этот велик и необычайно красиво расположен. Вскоре мы встали на якорь. Завтрак подали в 9 часов. За нашим столом, кроме капитана, сидят: турецкий консул, оказавшийся очень милым и умным человеком, красавица итальянка с тремя дочерьми и я. Красавица-дочь сидит рядом со мной. Мы все мало разговорчивы и потому и завтрак, и обед проходят в безмолвии или, если разговор, то беспрестанно прерывающийся... После завтрака (пароход уже стоял на якорь) мы отправились с Алешей в Трапезунд. Очень живописно, очень интересно, особенно базар. Пил в кофейне кофе и курил наргиле. Взбирались верхом в гору на монастырь. Маленькая церковь и крошечное здание, где живут всего 2 греческих монаха. Вид удивительный.

2 мая. Сегодня утром пришли в Керзунд, где стояли часа три. Спал я отлично. Прибавилось несколько пассажиров и table d'hote стал несколько оживленнее! Погода продолжает быть такая, что ничего лучшего вообразить нельзя. Вообще плавание совершается самым благополучным образом. Книжки у меня есть, и казалось-бы, что мож-

но неприятно проводить время. Между тем на меня несколько раз в день находила сильная тоска и желание как можно скорее отделаться от парохода. О Тифлисе вспоминать как-то мучительно. Этот месяц один из приятнейших в жизни моей. Я в самом деле ужасно полюбил Тифлис и не только потому, что вы там живете, но также потому, что и самый город мне симпатичен, да и люди необыкновенно милые

3 мая. Сегодня на меня реже находили припадочки тоски и чаще — припадочки восторга в виду моря, гор и солнца. Несомненно, что уединиться можно только в каюте. На палубе невозможно и четверти часа провести, чтобы кто-нибудь не подошел с разговором. Я знаком со всеми пассажирами, но что душе не сошелся ни с кем. Капитан часто заговаривает со мной про музыку, и признаюсь, что злит меня ужасно своими дурацкими суждениями. Какой-то доктор француз из Трапезунда тоже, оказывается, отзывчивый любитель музыки и, узнавши, что я музыкант, считает долгом беседовать об этом несомненно искусстве, имеющем свойство всех интересоваться...

...Как теперь уж странно мне подумать, что так еще недавно я был в Тифлисе, где нет моря, а горы, где живет моя милая Паня, где дают «Мазепу», едят ляллекебаб, играют в винт, двигаются на седюку и т. д. и т. д.

7 мая. Ночью мы проходили вблизи эскадры, стоящей около Пирея и блокирующей греческие берега. К утру ветер совершенно утих. В 11 часов утра проходили в нескольких шагах от мыса Св. Ангела, на самом углу которого живет пустынный, выходящий при проходе пароходов (по свистку) с флагом и благословляющий их. Когда мы проходили, он работал на своем огорожке...

8 мая. 8 час. вечера. Мы плывем теперь в виду Сицилии и видна Этна, которая слегка дымится. Рядом с ней виден уже часа два какой-то громадный столб дыма и внизу его огонь. Капитан

не может понять, что это такое, и как будто слегка беспокоится, вследствие чего и на меня находит какой-то страх. Море тихо, как зеркало. Ничего особенного в течение дня не произошло. Одно обстоятельство мне портит удовольствие путешествия, — это то, что все со мной стараются говорить как можно более о музыке. Особенно надоедает один англичанин, ужасный любитель музыки, беспрестанно спрашивающий, каково я мнения о том или другом романсе Госты, Денца и т. п...

9 мая. Столб дыма и пламени, о котором я писал вчера, оказался громадным извержением Этны, но не на вершине, а где-то сбоку. Верст за 300 уже ясно было видно это извержение, и по мере того, как мы приближались, зрелище становилось все интереснее. В 2 часа ночи меня разбудил Алексей, чтобы идти смотреть на этот единственный в своем роде спектакль. Мы входили в Мессинский пролив; море, которое весь день было покойно, тут оказалось бурным, и нельзя передать до чего было красиво это сочетание лунного света с огнем Этны и бушующим морем. В 3 часа я ушел спать, а в 5 капитан прислал матроса оповестить меня, чтобы видеть город Мессину, восход солнца и Этну с другой стороны. К сожалению, извержение все-таки осталось далеко Позднее мы проходили между вулканом Стромболи и еще новым дымящимся среди моря островком. По крайней мере капитан, превосходно знающий этот путь, никогда и не подозревал тут вулкана. Только в Марселе узнаем из газет в чем дело. По словам капитана извержение должно быть очень серьезное. Сегодня погода чудная, и море опять совершенно покойно.

11 мая. Последний день пребывания на пароходе. Погода все так же великолепна. Приготовления к приезду. Подъезжать к Марселю очень интересно и живописно. Вечером Приехали. Чудесный оживленный город. Гостиница великолепная. Целую, обнимаю.